БРАЗИЛИЯ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Окунева Л.С.

Статья посвящена анализу процесса социальной модернизации в Бразилии в начале XXI в., связанному с деятельностью правительства левых (2003 – 2010 гг.). Рассматриваются проблемы латиноамериканского «левого поворота» и места в нем Бразилии, представляющей собой умеренный вариант перемен. Исследуется широкая дискуссионная проблематика, поднятая опытом правления левых в Бразилии.

Социальная модернизация – ключевой элемент политики, пожалуй, любого современного правительства в любой стране и любой части света. Для России эти вопросы имеют определяющее значение, не случайно социальная модернизация рассматривается как неотъемлемое звено общей модернизационной стратегии страны.

Опыт латиноамериканских стран в этой области весьма насыщен. Особенно выделяется на общем фоне Бразилия, где в последние восемь лет развернулся по-своему захватывающий и волнующий социальный эксперимент, связанный с правлением левых.

Следует отметить, что проблемы социальной модернизации всегда находились в центре политической повестки дня правительств Бразилии, особенно, начиная с того момента, когда страна перешла к демократизации после ухода военных с политической арены в 1985 г. За истекшие четверть века данные проблемы решались по-разному, с большей или меньшей степенью успешности. Однако именно с момента прихода к власти левых в Бразилии эта проблематика стала определять собой политический курс правительства, выдвинулась в центр экономической политики. Собственно говоря, именно лозунги «новой социальной политики» и привели левых к власти, эти лозунги представляли собой и главное направление деятельности, и одновременно главный вызов левого правительства. Вокруг содержания, темпов, степени глубины социального реформирования страны развернулись острые споры на политической и интеллектуальной арене Бразилии[1]. Размышления об этой проблематике становятся еще более актуальными в том числе и потому, что в 2010 г. заканчивается восьмилетнее правление левых (два президентских мандата Луиса Инасиу Лулы да Силвы – 2003—2010 гг.), и на мировом «интеллектуальном пространстве» – как в Латинской Америке, так и за ее пределами – вновь появляются суждения о смысле и сущности того крупного социального эксперимента, который развернулся в Бразилии в начале XXI в.

Прежде всего, обратимся к вопросу о содержании и характере того уникального феномена, который получил в мировой политологической литературе название «левый поворот». Ведь без понимания специфики этого явления трудно разобраться в существе бразильского варианта социальной модернизации.

«Бразильская развилка» латиноамериканского «левого поворота» просматривается со всей определенностью. Важно лишь иметь в виду, что в случае с Бразилией речь идет *не о радикальном, а об умеренном варианте перемен*; на «шкале» современных латиноамериканских левых «Бразилия Лулы» занимает срединную позицию.

На сегодняшний день почти в полутора десятке странах Латинской Америки у власти находятся политики левой ориентации (ниже будет рассмотрен вопрос о том, о *какой* левизне идет речь, о степени радикализма/умеренности новых политических элит).

Прежде чем обратиться к анализу латиноамериканских левых и бразильского case study, попытаемся вписать их в панораму мировой

Окунева Людмила Семеновна – доктор исторических наук, профессор Кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России; e-mail: liudmila31@yandex.ru.

социал-демократии, сказав несколько слов о специфике того же явления в Восточной и Западной Европе. Демократические трансформации в восточно-европейском регионе практически не оставили места для «левого спектра»: левые партии, конечно, присутствуют в политике, но не являются определяющими; даже в тех случаях, когда социал-демократы приходили к власти, их политический курс четко вписывался в умеренную западноевропейскую социал-демократическую парадигму. Что же касается собственно западноевропейской социал-демократии, то она пережила за последние два десятилетия значительную эволюцию. В 90-е гг. прошлого века социал-демократические правительства, находившиеся у власти в шести странах, столкнувшись с вызовами глобализации и европеизма, сумели выработать ответ на них: успешная социальная политика позволила значительно сократить бедность. Большинство этих правительств сумело добиться бюджетного равновесия, проводить такую налоговую политику, которая способствовала повышению конкурентоспособности. При этом если т.н. «старая социал-демократия» оказалась неспособна, как отмечают некоторые исследователи, достичь таких традиционных для нее целей, как полная занятость, социальная справедливость, гендерное равенство, то «новая», «либеральная» социал-демократия 2000-х гг. взяла на вооружение постулаты, позволившие ей «заменить государственное регулирование рыночными решениями»[2]. Эти новые черты в облике западноевропейской социал-демократии в еще большей степени проявились в период мирового экономического кризиса 2008 г. Повсеместное использование социалистами неолиберального экономического инструментария привело к тому, что европейские левые превратились в более преданных приверженцев рыночной идеологии, чем их оппоненты справа (а сами правые во время кризиса стали реализовывать именно те лозунги, которые всегда были «фирменным знаком» социал-демократов: государственное вмешательство в экономику, социальные программы, борьба против отмывания капиталов в оффшорных зонах).

Но главным пунктом, который отличает социал-демократию 2000-х и 1990-х гг. и по которому проходит водораздел между европейской социал-демократией и латиноамериканскими левыми, является, на наш взгляд, отсутствие у первой ясного видения альтернативы, ответов – как на мировоззренческом, так и на практическом уровне – на вызовы XXI в. (это, кстати, в числе других причин предопределило и провал левых на выборах в Европарламент в июне 2009 г.).

Во всех этих смыслах пример Латинской Америки весьма показателен. Здесь и содержание, и сама направленность, и концептуальное наполнение «левизны» (ни в коем случае не путать с «левым экстремизмом) отличаются от восточно- и западноевропейских аналогов, получая серьезную подпитку от тех сложившихся на континенте реалий, которые «толкают» политиков левой ориентации все «дальше, дальше, дальше» по пути глубокой социальной модернизации. Забегая вперед, скажем, что латиноамериканские левые оказались сильны именно тем, что сумели сформулировать и предложить обществу реальную альтернативу неолиберализму, до крайности обострившему социальные проблемы латиноамериканских обществ. И эти общества (особенно в Бразилии) с огромными надеждами и ожиданиями восприняли предлагавшуюся альтернативу, поверили новым лидерам, с энтузиазмом поддержав их на президентских выборах.

***

В связи с этим – необходимое отступление об истоках и содержании «левого поворота» рубежа XX—XXI вв. в Латинской Америке.

При всем своеобразии текущего момента, при явной непохожести современных латиноамериканских левых на своих предшественников ясно просматривается определенная и весьма явная тенденция, черта, характерная для латиноамериканской парадигмы в целом, – традиция освободительной борьбы, мощных левых движений, борьбы за социальные преобразования. И еще одна, тесно связанная с этим черта – продемонстрированная латиноамериканской историей высокая степень альтернативности развития[3]. Краткий исторический экскурс свидетельствует: этот континент всегда (а особенно в XX в., а еще более конкретно – после второй мировой войны) был ареной борьбы и столкновения различных альтернатив развития – и прежде всего революционной, радикальной, с одной стороны, и реформистской – с другой. Первым крупнейшим столкновением, сшибкой этих альтернатив явился самый конец 1950-х гг., когда охваченный глубоким структурным кризисом континент вступил в длительную полосу борьбы против диктатур, местных олигархий, зависимости от иностранного капитала. А конкретным первым серьезнейшим проявлением альтернативности стало развитие двух стран – Кубы и Венесуэлы. Хронологически почти одновременно (это, конечно, совпадение, но отнюдь не является совпадением одноплановость происходивших процессов) – в Венесуэле

в январе 1958 г. и ровно через год на Кубе – в обеих странах были свергнуты репрессивные террористические диктатуры (Переса Хименеса в Венесуэле [1952—январь 1958 гг.] и Батисты на Кубе [1952—январь 1959 гг.]), и перед «движущими силами» этих процессов сразу же встал вопрос о путях дальнейшего развития. Куба, хотя и не сразу, вступила на путь радикализации революции, которая через два года приобрела социалистический характер, а в Венесуэле «кубинский вопрос» выдвинулся в центр ожесточенных политических споров между коммунистами, революционными демократами и реформистами[4]. В результате победили реформисты, и к моменту «социалистического выбора Кубы» (апрель 1961 г.) Венесуэла избрала траекторию, противоположную кубинской: в январе 1961 г. была принята конституция, в основу которой был положен Пакт «Пунто-Фихо» (октябрь 1958 г.), и эти два документа явились отравным пунктом формирования основанной на паритете двух партий системы «представительной демократии», просуществовавшей три с половиной десятилетия. Реформистская альтернатива воплотилась и в деятельности «Союза ради прогресса». В целом в рамках этой альтернативы было сделано немало, и в результате страны континента, вне всякого сомнения, далеко продвинулись по пути экономической, политической и социальной модернизации и развития.

Однако главных причин отсталости, слаборазвитости, огромной пропасти, разделявшей «первый» и «третий мир», устранить не удалось; сохранились и потребности борьбы за экономические и социальные реформы в интересах большинства общества. И вот в этих обстоятельствах теперь уже в конце 1960-х гг. на первый план опять выходит вопрос о том, какие варианты преобразований наиболее востребованы обществом (мы сейчас не рассматриваем многочисленные левые и леворадикальные движения и политические режимы Латинской Америки 1960-х—1970-х гг. – речь идет лишь об узловых моментах). В 1970 г. на авансцене – чилийская революция с ее попыткой (в первый момент удачной) привести к власти левые силы мирным, конституционным, демократическим путем. Чилийская революция (об этом сегодня мало кто говорит) привлекла к себе внимание самых мощных и влиятельных отрядов левого движения той эпохи – компартий Франции и Италии, которые увидели в чилийском опыте «мирного пути» возможности и резервы собственной борьбы, собственной стратегии и уделяли изучению этого опыта приоритетное внимание. Многие тогда считали, что Латинская Америка стоит перед лицом новых веяний и новых возможностей. Однако трехлетие Народного единства с его драматическими перипетиями борьбы, немалыми ошибками внутри самого́ лагеря левых окончилось поражением – и это была не просто неудача, а стратегическое, долговременное поражение левых сил (сандинистская революция 1979 г. в Никарагуа в этом плане не в счет – при всей своей несомненной значимости она все же носила локальный характер и не могла вдохнуть новую жизнь в левую альтернативу). В Бразилии, Чили, Уругвае, Аргентине, Боливии, Парагвае, ряде стран Центральной Америки восторжествовали военные диктатуры, демократические правительства можно было пересчитать по пальцам. Тогда казалось, что левая альтернатива полностью исчерпала себя и должна уйти в прошлое, что после грандиозного неуспеха, громадных жертв, разочарований она не может более привлечь на свою сторону жизнеспособные силы общества и должна уступить дорогу иным парадигмам развития.

В тот момент так и случилось. О революционной «повестке дня» больше не говорили (сейчас не идет речь о Кубе – единственной стране, представлявшей тогда левую альтернативу, но это – особая и достаточно неоднозначная тема). Латинская Америка стала стремиться вписаться в новые мировые реалии, в глобализованный мир с его новыми требованиями и правилами игры. Военные режимы и апробация ими неолиберальных схем, «потерянное десятилетие» 1980-х, новые поиски путей преодоления кризисов (но теперь уже отнюдь не на путях революций, от них общество вроде бы получило «прививку»), затем уход военных с политической арены, начало демократизации, новый виток неолиберализма, волна приватизации начала 1990-х гг., попытки вырваться из отсталости на этом новом витке, на основе применения новой экономической политики – казалось бы, Латинская Америка примерила на себя все возможные политические «одежды» и стала местом апробации всех известных в мире схем и моделей экономического и социального развития. Казалось, что этот континент входит в новый век, оставив «веку минувшему» старые, «отжившие» альтернативы и модели социального поведения…

И вдруг – но «вдруг» только для непосвященных – политологи и политики всего мира заговорили о «новых левых», о «левом повороте» в Латинской Америке. «Левый поворот», «Левые возвращаются» – такими заголовками запестрели ведущие европейские газеты (а российская «Время новостей» даже писала о «левом марше» Латинской Америки и о ее «красных» президентах).

В 1998—2009 гг. в четырнадцати странах Латинской Америки (Венесуэла – трижды, Бразилия – дважды, Чили – дважды, Аргентина – дважды, Уругвай – дважды, Боливия – дважды, Эквадор – дважды, Никарагуа, Перу, Коста-Рика, Панама, Гватемала, Парагвай, Сальвадор[5]) к власти демократическим, конституционным путем приходят левые правительства. Происходят небывалые, немыслимые еще относительно недавно изменения во всей политической конфигурации латиноамериканского континента. Почему же в принципиально новых условиях, на принципиально новом витке мирового развития мы становимся свидетелями этого своеобразного возрождения левых? В чем причины этого феномена?[6]

Представляется, что главное в том, что те отнюдь не новые проблемы, с которыми сталкивается сегодня Латинская Америка, приобрели в эпоху глобализации новое звучание и чрезвычайную остроту. Во многом идет процесс «интериоризации глобальных проблем»[7]. В новых формах и в принципиально новых условиях левые движения и их лидеры (Бразилия – яркий пример) отразили реакцию латиноамериканских обществ на неолиберализм, его колоссальные социальные издержки, означавшие свертывание социальных программ. А это, в свою очередь, повлекло за собой не новые, но такие чрезвычайно обострившиеся в нынешних условиях процессы, как рост маргинализации и пауперизации масс, их выталкивание за пределы гражданского общества, – явление, получившее в латиноамериканской социологии название «социальная исключенность».

Левые движения имеют давние традиции в Латинской Америке – и столь же велики традиции левой политической культуры, левой политологии, занимающей не просто весьма сильные, а ведущие позиции в общественной мысли стран континента. В латиноамериканской социологии и политологии практически не сложилось правых направлений, а отдельные публикации, высказывания или даже целые политические программы правого толка представляют собой заимствования западных образцов (неолиберализм, «чикагская школа» и др.); собственным же, автохтонным явлением стали освободительные и левые идеи[8]. Представляется, что объяснение этих особенностей политической культуры Латинской Америки кроется в специфике социальной конфигурации, в глубоких социальных диспропорциях, в наличии бедности и нищеты, сопровождающих практически весь исторический путь латиноамериканских обществ, которые пока не удалось победить и которые оказывают давление на общество, превратившись в особую разновидность политической культуры.

При всех явных признаках полевения политического ландшафта Латинской Америки есть и мнения, весьма скептически оценивающие «левый поворот». Но в этом смысле, как представляется, важно разобраться, о каких левых идет речь. Не подлежит сомнению, что те силы, которые сегодня «разворачивают влево» континент, – это не «старые левые» в лице прежних компартий, а «современные левые», «новые левые», смотрящие вперед, а не назад. Левая альтернатива в Латинской Америке реализует себя как «левый дрейф в широком диапазоне»[9].

«Латиноамериканские левые у власти» во многом едины, но во многом и различны. Единым для всех них общим знаменателем являются, во-первых, причины их появления: социальная дезинтеграция, пауперизация масс в целом и среднего класса, в частности, рост числа «исключенных», нарастание общего социального недовольства на фоне как финансовых кризисов, так и отсутствия ощутимых социальных результатов неолиберальных реформ. Во-вторых, их роднят единые, но отнюдь не «традиционные» цели: так, стремление к социальной справедливости не порождает, однако, – и это важно – ностальгию по прежним идеологическим «идолам», симпатии к Кубе обращены в большей степени на «романтический» период ее революции и не воплощаются в прямых попытках воспроизвести «кубинский путь», «кубинскую модель» (даже наиболее радикальный из нынешних левых лидеров президент Венесуэлы У. Чавес говорит о новом «социализме XXI века»[10], но не о возврате к советской или кубинской модели). Однако важнейшей, определяющей общей чертой является то, что современные левые абсолютно прагматичны, четко осознают реалии современного мира, никто из них не отвергает рыночную экономику и рыночные механизмы. Другое дело, что они (иначе они не были бы левыми) стремятся к балансу между рынком и социальной справедливостью и провозглашают «государственный интервенционизм»[11], т.е. известный возврат государства в экономику, своего рода «экономический национализм».

Кстати сказать, именно «экономический национализм», исповедуемый левыми режимами, стал причиной нового феномена – все более явно нарастающей тенденции к соперничеству между ними. «Первой ласточкой» явилась провозглашенная президентом Боливии Э. Моралесом национализация газа (май 2006 г.), вызвавшая бурную реакцию со стороны Бразилии, чья крупнейшая компания «Петробраз» занимала серьезные позиции в данном секторе боливийской экономики.

Об этом же свидетельствует и разворачивающееся соперничество между «Бразилией Лулы» и «Венесуэлой Чавеса», стремящейся если не оспорить лидерство Бразилии на континенте, то хотя бы в определенной степени потеснить ее на латиноамериканском экономическом и геополитическом поле. Это соперничество, суть которого можно выразить формулой «нефть или этанол», воплотилось в серии латиноамериканских визитов глав обоих государств в сентябре—октябре 2007 г. (Чавеса – в Аргентину, Уругвай, Боливию, Эквадор; Лулы – в пять центрально-американских и карибских стран), в ходе которых каждый из них стремился укрепить свои позиции и привлечь сторонников. Если Чавес давал гарантии длительных (на ближайшие 100 лет!) поставок нефти и газа и многомиллиардных инвестиций в нефте- и газопереработку, то Лула презентовал программу производства бразильского этанола, которую поддерживал президент США Дж. Буш (США стремились уменьшить зависимость от невозобновляемых энергоносителей)[12]. Данные тенденции подтверждают тот весьма любопытный казус, что своего рода «политическая солидарность» левых режимов, о которой много говорили аналитики, полагая, что на международной арене левые лидеры будут поддерживать «своих» и что один лишь факт принадлежности к «левой волне» будет играть в этой поддержке определяющую роль, отступает перед лицом все более настойчиво выдвигающегося на первый план фактора «экономической целесообразности», собственных интересов и приоритетов, удержания/завоевания прочных экономических позиций в той или иной нише глобальной экономики.

Главным направлением своей политики левые провозглашают борьбу с бедностью (самый характерный пример – Бразилия). Их основной постулат – рынок не в состоянии решить проблему бедности, частное предпринимательство не способно преодолеть глубокое социальное неравенство и нищету: здесь на первый план должно выступить государство, главная задача которого – «уйти из экономики» и прийти в социальную сферу, проводить реформы, направленные на уменьшение бедности. Именно поэтому современные латиноамериканские левые и выступают за усиление роли государства как института, способного смягчить негативные эффекты рынка. Важнейшая составляющая экономической и политической стратегии левых – борьба за социальную справедливость (понимаемую прежде всего как справедливое распределение доходов), за радикальное (или, по крайней мере, существенное) сокращение численности тех, кто принадлежит к «социально исключенным» слоям.

Иногда говорят о том (и вопрос этот весьма актуален), что борьба с бедностью – отнюдь не изобретение левых: «а разве правые не осознают этой проблемы и не предлагают путей ее решения?» Конечно, предлагают, но ведь все дело именно в политической стратегии. Правящие элиты Бразилии на рубеже 1980-х—1990-х гг. панацею от бедности и отсталости видели именно в рынке, считали возможным решить эти проблемы при опоре исключительно на рыночные механизмы, которые позволят оздоровить экономику, придадут ей стимулы и импульсы к развитию, насытят рынок товарами, а населению дадут возможность зарабатывать – и тем самым бедность сократится. При теоретической правильности подобных постулатов (рынок в историческом плане действительно явился мощным стимулом развития) реальность стран, располагавшихся за пределами «первого мира» и «золотого миллиарда», оказалось другой. Американский латиноамериканист Р. Кауфман, задаваясь вопросом, можно ли разработать стратегию, направленную не только на проведение политики экономического роста, но и на уменьшение бедности и неравенства, отмечал двойственный характер рыночных реформ: они могут способствовать экономическому росту, и тогда численность групп, живущих в состоянии абсолютной бедности, уменьшается; с другой же стороны, эти реформы расширяют диапазон социального неравенства[13]. Это звучит еще более актуально при рассмотрении «родовых особенностей» латиноамериканского капитализма, где рыночные реформы на начальном этапе (в 1990-е гг.) привели лишь к перераспределению собственности внутри элиты, углублению в Бразилии «социальной пропасти» между богатыми и бедными, способствовали локальной, а не полномасштабной социальной и экономической модернизации.

В силу всех перечисленных моментов подход левых – диаметрально противоположный: социальные проблемы, борьба с бедностью – это именно то «поле», главным игроком на котором должно выступать государство.

Латиноамериканские левые могут быть «сгруппированы» по двум направлениям: левые реформаторы/умеренные левые (яркий пример – Бразилия, Аргентина, Уругвай) и «левые радикалы» (Венесуэла, Боливия, Эквадор)[14].

Перуанский исследователь Альваро Варгас Льоса дает такое определение «левых реформаторов»: «националистический популизм левого толка», проводящий политику «экономического национализма»[15].

***

Рассмотрим бразильский case study, а именно бразильский вариант «левого поворота», который весьма репрезентативен, и воплощает в себе многие черты этого важного общелатиноамериканского явления, а также позволяет выявить основные параметры масштабов социальной модернизации как главного направления деятельности левого правительства.

В Бразилии тенденция к полевению политического режима наблюдается еще с периода президентства И. Франку (1992—1994 гг.), который пытался смягчить (особенно в сфере приватизации) наиболее одиозные эффекты политики «шоковой терапии», проводившейся его предшественником – президентом Ф. Коллором. Последовавшее затем «восьмилетие Фернанду Энрике Кардозу» (1995—2002 гг.) явилось попыткой реализовать социал-демократические рецепты: провести глубокое социальное реформирование на фоне антиинфляционной макроэкономической стратегии; однако при всех немалых позитивных результатах собственно социальная составляющая забуксовала. Именно в силу этого в ходе выборов 2002 г. общество продемонстрировало свое неприятие неолиберализма: отвергнув прежний курс, оно выступило за перемены. Характерно, что в электоральной кампании 2002 г. принимали участие только левые партии. К власти пришел лидер крупнейшей партии левой оппозиции, синдикалист, бывший рабочий, происходивший из самых низов общества, познавший голод, не имевший возможности учиться, – это был «самый левый президент в истории Бразилии», Луис Инасиу Лула да Силва, или просто Лула, как зовут его в Бразилии, да и во всем мире.

Безоговорочная победа Лулы в 2002 г. – 61,3% голосов избирателей – породила (особенно в среде беднейших слоев) необычайную эйфорию, да и в обществе в целом это было время самых больших надежд и ожиданий. Сразу же после своего вступления в должность Лула и его соратники сделали ряд достаточно радикальных заявлений о ярко выраженной социальной ориентированности курса нового правительства; Лула провозгласил программу социальных реформ, прежде всего проект борьбы с голодом, который начал немедленно реализовываться. Тем не менее, низовые организации Партии трудящихся (ПТ) – крупнейшей партии левой оппозиции, ныне превратившейся в правящую, – а также ее интеллектуальное ядро, ждали более «крутых» и радикальных решений, резкого изменения экономической политики. Этого, однако, не последовало; во второй половине мандата правительства его социальная и особенно экономическая стратегия стала все в большей степени отличаться умеренностью: «экономический блок» правительства не пошел на изменение монетаристской политики прежнего кабинета, на нарушение финансовых договоренностей с МВФ, стремился успокоить зарубежных инвесторов и местные деловые круги. Бразилия слишком глубоко интегрирована в мировую экономику, с самого начала своей истории она «вросла» в глобализацию, и экономическая команда Лулы это отлично понимала. Не случайно во втором туре выборов 2002 г. Лула, стремясь привлечь на свою сторону предпринимателей, убеждал их, что он не будет делать резких шагов в экономической сфере; эта позиция, квалифицированная бразильскими аналитиками как продолжавшая традиции десарроль изма[16] 1950-х—1960-х гг., национал-реформизма времен президентов Ж. Варгаса и Ж. Кубичека (1930-е—1950-е гг.), воплотилась в поддержке национальных экономических элит – промышленников и представителей «агробизнеса» (особенно экспортеров), а также финансового сектора. Таким образом, экономический статус-кво не изменился, что дало основания для давления снизу, острой критики Лулы со стороны левого крыла ПТ, обвинений в «продолжении неолиберальной антинародной политики», отходе от предвыборных обещаний. В недрах ПТ стало формироваться левое течение, впоследствии выделившееся в Партию за социализм и свободу (ПСОЛ). В мировой политологической «табели о рангах» Лула все более приобретал дефиницию «умеренного», скорее левоцентристского (и даже просто центристского), чем «чисто левого» лидера.

Во второй тур выборов 2006 г., как и в 2002 г., вышли две левые партии (ПТ и Партия бразильской социал-демократии – ПСДБ), программы которых – особенно в части социального реформирования – были чрезвычайно близки[17]: социальные реформы, экономический рост, создание новых рабочих мест, борьба с бедностью. Естественно, акценты расставлялись по-разному. Социал-демократы в лице своего кандидата Ж. Алкмина настаивали на необходимости сокращения непроизводственных расходов, привлечения частных инвестиций, частичной приватизации, снижения процентных ставок, жесткого бюджетного регулирования, уменьшения налогового бремени. Лула делал упор на углубление и расширение социальных программ (особенно «Bolsa Família» - программа семейных пособий), борьбу с бедностью и голодом (программа «Fome Zero» – «Нет голоду»), создание новых рабочих мест, совершенствование системы образования, (хотя и не игнорировал макроэкономические

проблемы, говоря о необходимости борьбы с инфляцией, «жестком бюджете», поддержке мелкого и среднего предпринимательства). Программа «Bolsa Família» фигурировала в качестве важнейшего козыря предвыборной агитации обоих кандидатов, причем Лула говорил о ней как о главном достижении и основной «несущей конструкции» своего правительства, а его соперник, также подчеркивая ее важность и ставя ее во главу угла собственной программы, рассматривал ее («в исполнении правительства ПТ») как простое продолжение социальной политики кабинета Кардозу.

Анализ этих двух концептуальных подходов и политических курсов, как представляется, подтверждает идею о том, что главным содержанием «левого поворота» (в том числе, конечно же, и в Бразилии) становится, по словам российского латиноамериканиста К.Л. Майданика, «приоритет "*непосредственно социального*" фактора», обращение к «*социальности*», понимаемой как сугубо социальные мотивы и требования (прежде всего требования «*уничтожения нищеты и резкого сокращения бедности*»), которые выдвигают беднейшие слои и воспринимают новые левые лидеры (курсив мой – *Л.О.*)[18]. «Именно категория "*социального*", "*социальности*", утверждение приоритета именно *социальных* потребностей большинства ("искоренение бедности") и представляются... ключом к пониманию происходящего». Субъектом данного процесса выступает «конгломерат социально-этнических низов города и деревни, составляющих большинство населения региона» и питающих собой движение, «которое можно было бы определить как "восстание исключенных"» (курсив К.Л. Майданика – *Л.О.*)[19]. Приоритет социальных проблем, ликвидация нищеты, сужение сферы бедности – вот главные опорные пункты политики Лулы, обеспечившие ему поддержку его традиционного – беднейшего – электората, успевшего за четыре года его первого мандата отчетливо почувствовать перемены к лучшему, ощутить эффект реформ, воспользоваться их плодами. В среде беднейшего населения ни один политик не мог соперничать по популярности с Лулой, который был для простого народа «своим» и по социальному происхождению (то, что он был «одним из них», играло абсолютно определяющую роль, которая «перевешивала» все остальное – недостатки, проблемы, малопонятные для бедняков дискуссии даже внутри «их партии» – ПТ; не имели большого значения конкретные детали «процесса» – значение имело лишь то, что Лула «такой же, как мы»), и, конечно же, по содержанию проводившегося им социально-экономического курса, позитивная оценка которого стала определяющей в электоральных предпочтениях низших слоев в целом и «низшего среднего класса», в частности.

***

Правление левых в Бразилии, острая полемика вокруг реформ поставили целый ряд серьезных теоретических – и одновременно остро дискуссионных – проблем.

Остановимся на *первой* из них. Это глубинный и очень сложный вопрос о том, насколько совместимы в рамках одного курса экономический неолиберализм, с одной стороны, и значительная социальная составляющая – с другой. Собственно говоря, этот вопрос был поставлен еще в годы президентства социал-демократа Ф.Э. Кардозу. В годы правления Лулы данная проблема приобрела еще бóльшую остроту. Речь идет о дилемме и одновременно о самом серьезном вызове, с которым сталкиваются современные латиноамериканские, в том числе бразильские левые, о феномене, который в прямом смысле слова можно обозначить как «*драма левых у власти*»: объективная невозможность в условиях современной экономики отказаться от определенного набора механизмов и инструментов проведения хозяйственной политики, свойственных рыночной среде (а объективно – это механизмы неолиберального толка), – и обязанность провести глубокие и ощутимые социальные реформы в интересах большинства общества, заменить формулу «рост без развития» на триаду «рост + развитие + благосостояние населения»[20]. Анализ «восьмилетия Кардозу» и начального периода (первой половины первого мандата) правления ПТ побуждал, казалось бы, к отрицательному ответу на вопрос о совместимости/несовместимости этих двух стратегий[21]. Вместе с тем по истечении первого и почти полной завершенности второго мандатов Лулы результаты и масштабы сделанного (при всей очевидной незаконченности этого процесса, его многочисленных издержках и «резервах», вызываемой им критике и т.д.), итоги выполнения амбициозной задачи – «поставить экономику на службу нации», продуцировать «больше развития и меньше неравенства»[22] – заставляют склониться к позитивному ответу. Все с большей силой пробивает себе дорогу мысль о том, что при помощи ортодоксальной экономической политики, обеспечившей ему доверие финансовых рынков (но одновременно и лишившей его поддержки наиболее радикальных социальных движений), Лула сумел создать необходимое «поле для маневра» с целью нанести «точечные удары» по нищете и бедности: «Борьба с бедностью стала для Лулы одновременно и самым крупным вызовом, и самым

крупным успехом его первого президентского срока»[23]. Программы «Fome Zero», «Bolsa Família» и другие социальные инициативы, разработанные правительством Лулы, сыграли немалую роль на пути преодоления социального неравенства. Их осуществление во многом способствовало уверенному (с большим превышением по сравнению с его основным соперником) переизбранию Лулы в 2006 г. на второй президентский срок. «Прагматичная политика Лулы позволила ему соединить ортодоксальную экономическую стратегию и социальную составляющую его курса»[24] (курсив мой – *Л.О.*) – и в этом, пожалуй, главный итог правления левых и их главный ответ на драматичные вызовы и императивы крупномасштабного реформирования страны.

Весьма симптоматично, что в данный спор (безусловно, давно вышедший за рамки Бразилии и приобретший международное звучание) вмешался… сам «главный герой» дискуссий и дебатов, президент Бразилии Л.И. Лула да Силва. И хотя известно, что оценивать результаты крупномасштабных процессов дóлжно «со стороны», с целью избежать субъективного подхода – неизбежного для любого «лица», «действующего в гуще событий», – в данном случае мнение президента выступает как квинтэссенция многих суждений и мнений как в Бразилии, так и за рубежом. Выступая на XVII Иберо-американской встрече в верхах (Сантьяго-де-Чили, ноябрь 2007 г.), Лула сказал буквально следующее, дав весьма прямой ответ на многочисленные вопросы и сомнения: «Ответ бразильского правительства – в политике сочетания стратегий, которые многие считали несовместимыми. Мы делаем ставку на экономический рост, не отказываемся от макроэкономических рычагов и одновременно – предпринимаем меры по распределению доходов и по «включению» в общество ранее «исключенных» слоев, по укреплению системы социальной защиты для самых уязвимых в социальном отношении групп населения, что позволяет сформировать новых граждан и новых участников потребительского рынка. Результаты этой стратегии впечатляют: устойчивый рост, низкая инфляция, рост покупательной способности народа, занятости, упрощение доступа к кредиту, сокращение бедности и неравенства»[25].

В этом контексте возникает вопрос о содержании понятия «левые»[26]: стремление современных латиноамериканских лидеров-реформаторов к разрыву с традиционной моделью развития соседствует с прагматизмом, а «прогрессистские» и «реформистские» меры столь тесно переплетены друг с другом в политической практике левых правительств, что подчас трудно отделимы друг от друга.

В этом плане не будет преувеличением сказать, что во многом доктрина бразильских левых в ее нынешнем виде приближается к постулатам западноевропейских социалистических партий, а конкретно – Французской социалистической партии (ФСП), позиционирующей себя как «социалистическая партия левореформистского толка» и формулирующей тот же принципиальный вопрос: как, действуя на базе рыночной экономики, поставить экономические достижения на службу социальной политике и добиться справедливого распределения доходов, равного доступа всех к плодам экономического роста[27].

Лула неоднократно делал парадоксальные заявления о том, что он «отнюдь не принадлежит к левым», но «обязан быть левым, чтобы бороться за равенство, за то, чтобы все могли пользоваться плодами развития». Он подчеркивал, что «самое главное определение левых – борьба за равенство». И вместе с тем замечал: «В Бразилии, где на всем протяжении ее истории никто не занимался социальными проблемами, где 54 млн человек живут за чертой бедности, невозможно преодолеть подобное положение в краткие сроки»[28]. К Луле вполне применимо мнение о том, что «современные левые зачастую колеблются между необходимостью самоидентификации с левыми и одновременно – отвержения традиционного деления на левых и правых. Они являются левыми, поскольку обладают политической волей положить конец не только бедности, но и неравноправию, несправедливому строю, основанному на господстве олигархий и привилегированных слоев. Они являются левыми в той своей ипостаси, в какой они представляют собой силы изменения, слома существующего порядка, статус-кво. Но в той части своей деятельности, в которой они являют собой частицу старого мира, традиционной политики, они не могут быть причислены к левым»[29].

Отрицали принадлежность Лулы к левым и те, кто знал его лично, причем в те годы, когда до его президентства было еще очень далеко. Например, бразильский крупный предприниматель Э. Одебрехт, знакомый с Лулой с 1992 г. (и высоко оценивающий его качества), утверждал, что «Лула никогда не был левым и не имел ничего общего с левыми идеями»; Лула, по его свидетельству, очень прагматичен, обладает необычайной интуицией, «критическим духом» и умеет сосуществовать «и с греками, и с троянцами»[30]. Такова же и позиция Олаву Сетубала – президента административного совета холдинга, в состав которого входит

крупнейший банк «Итау»: «Всегда имелись сомнения в том, является ли ПТ левой партией, и правительство Лулы в конечном счете показало себя как крайне консервативное»[31]. Сам Лула говорил в этой связи следующее: «Сейчас я являюсь другом Делфима Нету (министр финансов в годы правления военных – *Л.О.*). Более 20 лет я его критиковал, а сегодня он мой друг, а я его друг. ...Я думаю, что это – результат эволюции человеческого естества. Тот, кто находится на крайне правом фланге, эволюционирует к центру. Тот, кто на левом, – постепенно превращается в социал-демократа, т.е. становится менее левым. Так это и происходит..., особенно с прибавлением седых волос и на почве исполнения тех обязанностей, которые на вас возложены. Иного способа меняться просто нет»[32].

Любопытна в этом плане (естественно, без всяких попыток аналогий, но в целом применимая ко многим представителям «новой левой волны» в Латинской Америке) довольно точная оценка Чавеса, данная известным венесуэльским политиком левого направления Т. Петковым: «Чавизм – это движение, полное противоречий. В нем присутствует классическая драма: Робеспьер и Дантон, якобинцы и жирондисты, большевики и меньшевики, ультралевые и умеренные... Сам Чавес – ...одновременно и левый, и правый. Внутри него в состоянии постоянной конфронтации сосуществуют идеалист и прагматик»[33].

В данном контексте весьма актуально звучит концепция бразильского социолога Э. Жагуарибе о новом содержании старых понятий «правые» и «левые». Ученый указывал, что ныне главная разделительная линия пролегает «между архаикой и модерном», и это вполне применимо и к правым, и к левым: есть «архаичные правые» и «архаичные левые», а есть «современные правые» и «современные левые»; при этом «дистанция между современными левыми и современными правыми намного меньше, чем между "современными левыми и архаичными левыми" и "современными правыми и архаичными правыми"»[34].

Перейдем ко *второй* проблеме, поставленной опытом пребывания ПТ у власти. Это важнейший вопрос: является ли правление Лулы «разрывом» по сравнению с правлением кабинета ПСДБ, *абсолютно новым* шагом, *впервые* вынесшим проблемы социального реформирования на повестку дня, либо это *продолжение* политики прежней администрации? «Мегавызовом правительства ПТ» называли в Бразилии данную проблему: «перемены либо континуитет». Несомненно, стремление уменьшить социальную поляризацию, реализовать пакет тех же реформ, которые в дальнейшем стали квинтэссенцией стратегического курса Лулы, – все это действительно имело место в «восьмилетие Кардозу». И на этом пути были вполне зримые, ощутимые результаты (например, программа «Солидарное содружество»), позволившие во многом изменить социальное лицо Бразилии (взять хотя бы ситуацию в фавелах, где можно было наблюдать реальные позитивные сдвиги – конечно, не в плане криминогенной ситуации, и по сей день остающейся, к сожалению, напряженной, а в плане хотя бы относительного улучшения «качества жизни», при всей условности применения этого понятия для фавел). Верно также и то, что при Луле не было резкого изменения курса, а имело место отсутствие резких «виражей» в политике и экономике. Известная преемственность курса носила вполне объективный характер, обусловленный как долгосрочным характером задач, поставленных еще в «эпоху Кардозу» и выдвинувшихся в центр современной повестки дня, так и наличием внутренних и внешнеэкономических «ограничителей», диктовавших свои условия. Имелась и еще одна существенная причина этого: в бразильском обществе как воплощении обществ со сложной социальной структурой, фрагментированных, пронизанных разнонаправленными, порой трудно совместимыми интересами, любые «управляемые перемены» могли/могут быть осуществлены лишь при условии полной «задействованности» демократического ресурса, склонности власти к консенсусу, переговорам и диалогу[35], столь характерным для «национального политического стиля» и представляющим собой вполне нормальное явление «для демократии, где смена альянсов является частью установившегося порядка вещей»[36]. В этом русле пролегала и такая характерная особенность политической традиции Бразилии, как тяготение к *нерадикальному* разрыву с прошлым.

На протяжении обоих президентских мандатов кабинет Лулы подвергался острой критике (как со стороны низовых организаций ПТ, так и со стороны левых интеллектуалов, которые, как говорилось выше, ожидали радикальной смены экономического курса) за «предательство интересов народа», выразившееся в продолжении «лулистами» неолиберальной политики прежних правительств. Главным проявлением этой критики стало создание рядом вышедших из ПТ ее видных деятелей и идеологов упоминавшейся выше оппозиционной ПТ партии ПСОЛ. Действительно, неолиберальная макроэкономическая концепция превалировала в программах экономической команды Лулы (жесткая монетарная политика, открытость рынков, сохранение договоров с МВФ, в целом ориентация

на доверие к Бразилии со стороны внутреннего и внешнего рынков), что и дало серьезные основания для критики. Эта критика звучала и в ходе второй президентской кампании в 2006 г. (хотя справедливости ради следует отметить, что многие из оппонентов поддержали Лулу на выборах 2006 г.); звучит она и ныне, при подведении предварительных итогов обоих мандатов правления Лулы. Достаточно влиятельным является мнение, что Лула лишь углубил и развил ту политику приватизаций и укрепления частного капитала, местных и международных (заинтересованных в бразильском рынке) финансовых кругов, которую проводили его предшественники – Ф. Коллор, И. Франку и Ф.Э. Кардозо, и не предпринял ни малейшей попытки к пересмотру итогов приватизации (например, приватизированного в 1997 г. крупнейшего в мире металлургического комбината «Вали ду Риу Доси», проданного намного ниже реальной стоимости), которые жестко осуждались ПТ, синдикалистскими и рабочими организациями. Фактически, подводя итоги восьмилетнего правления Лулы, бразильские политологи П. Накатани и Р.М. Маркес с цифрами в руках доказывают, что все проводившиеся кабинетом Лулы финансовые и экономические меры, макроэкономическая политика, включая налоговую реформу, были направлены на обеспечение интересов капитала: налог на крупные состояния, прописанный в Конституции 1988 г. и введение которого в силу зависело лишь от политической воли правительства, даже не был упомянут в его программе действий; аграрная реформа, за которую на протяжении всей своей истории XX в. боролись сельские трудящиеся, имела весьма скромные результаты, не решившие ее основные задачи. Не менее ограничены, по мнению политологов, и результаты социальной политики: даже программа «Bolsa Família» не достигла своих целей. Обещания Лулы поднять вдвое минимальную зарплату свелись к ее увеличению лишь на 40%. Все это, заключают авторы исследования, говорит о том, что правительство Лулы нельзя квалифицировать как левое[37].

В целом же, взвешивая на незримой «чаше весов» все «плюсы» и «минусы» президентства Лулы, весьма непросто с математической точностью отмерить «удельный вес перемен» и «удельный вес континуитета». По словам французского исследователя Д. Видаля, складывается сложная мозаика: с одной стороны, можно сказать, что Лула продолжал политику Кардозу и не привнес ничего нового, а можно – с тем же успехом – посмотреть на ситуацию с иной точки зрения и увидеть, что достигнута политическая и экономическая стабильность, что, в свою очередь, является свидетельством улучшения условий жизни большинства населения и перемен к лучшему[38]. Вторая позиция, несомненно, более адекватна, более объемна – и более реалистична.

Оба рассмотренных выше главных вопроса, поставленных правлением бразильских левых (о совместимости/несовместимости неолиберализма и «социальности» и о переменах/континуитете) неожиданным (а быть может, и по-своему логичным) образом «сошлись» в размышлениях вокруг еще одного феномена. Речь идет о «другой стороне медали» такого главнейшего направления политики левых, как борьба с бедностью. Выше уже было сказано об определяющей роли этого направления в политической самоидентификации левых, в их социально-политическом облике (без наличия сильной социальной составляющей в своей стратегии левые не были бы левыми). Теперь же хотелось бы обратиться к еще одной ипостаси данной проблематики.

Летом 2007 г. мировые и бразильские СМИ заговорили о зарегистрированном в Бразилии в годы правления левых необычайном явлении: значительном и явном росте «слоя супербогачей».

Квинтэссенция проблемы выносилась в заголовки: «Малоизвестный результат деятельности правительства Лулы: Бразилия превзошла Россию и Индию по количеству миллионеров»; «Экономическая политика Лулы создает условия для процветания богатых бразильцев»; «В Бразилии наблюдается "всплеск" на рынке частных охранных услуг, призванных защищать собственность сверхсостоятельных людей; частных охранников в стране уже больше, чем кадровых военных»[39]. Для богатых наступил «золотой век»; Бразилия превратилась в «рай для богачей»[40]; совокупное состояние бразильских миллионеров, число которых достигло 130 тыс., составляло, по данным агентства «Бостон Консалтинг Групп» на июль 2007 г., 573 млрд долл., или половину ВВП государства[41]. В стране резко возросло производство предметов роскоши. Настоящий «бум» переживал сектор супердорогой недвижимости, когда квартиры стоимостью в 2 млн реалов распродавались в мгновение ока. Новым для Бразилии явлением стало и то, что, в отличие от прошлых времен, когда концентрация богатства сосредотачивалась в основном «по оси» Сан-Паулу—Рио-де-Жанейро, ныне бурный рост числа миллионеров наблюдается в самом бедном регионе – на Северо-Востоке, где местные богачи пытаются копировать стиль жизни паулистской элиты[42].

Получалось, что при Луле, бывшем рабочем, пришедшим к власти с целью борьбы с бедностью и ликвидации социального неравенства, начали

нарастать обратные процессы: «богатые стали богаты, как никогда». Как же можно оценить данный феномен?

Борьба с бедностью, при всей своей видимой однозначности, несет в себе и большие противоречия, связанные с общим направлением экономической политики правительства ПТ. Ведь рыночные реформы, как уже говорилось выше, объективно (такова их суть, их имманентная черта) расширяют диапазон социального неравенства (на это можно воздействовать – с разной степенью успешности – проведением соответствующей социальной политики, но кардинально «исправить» эту ипостась рыночных отношений невозможно – в противном случае нужно «ввести» иной социальный строй, основанный на полной национализации и этатизации собственности). Поскольку в «эпоху Лулы» неолиберальная составляющая курса предыдущей администрации – Ф.Э. Кардозу – не была поколеблена, экономическая стратегия кабинета Лулы действовала в уже «заданном» направлении и в рамках определенной логики. Эта логика определялась тем, что для удержания макроэкономической стабильности и общего экономического равновесия было необходимо сдерживать инфляцию (сохраняя главное крупное экономическое достижение «эры Кардозу»). Для сдерживания же инфляции потребовалось поддерживать высокую процентную ставку (по оценке специалистов, «астрономическую» – размером в 11,5%); это, в свою очередь, способствовало необычайному росту прибылей банков и в целом «финансового сектора».

О чем же свидетельствуют эти тенденции? Говорят ли они о «провале» бразильских левых? Нам представляется, что речь все-таки идет о подтверждении уже высказанного тезиса об их умеренном характере. Социальные программы правительства сделали свое дело: они заставили бедность, голод и нищету отступить, причем отступить значительно. Вместе с тем очевидно и то, что они не сумели радикально «перевернуть» традиционное для Бразилии неравномерное распределение доходов, сломать укоренившуюся в стране систему социального неравенства; факт остается фактом: несмотря на продвижение социальных программ, в целом Бразилия пока остается одной из самых неравноправных стран мира (наша оценка в данном случае совпадает с мнением французского латиноамериканиста Ф. д'Арси[43]).

Вернемся к упомянутому выше вопросу о достижении *стабильности*. Это третья важнейшая проблема, поднятая бразильским опытом реформирования общества. В политической сфере стабильность является реальностью и неотъемлемой чертой политического ландшафта Бразилии как на протяжении демократического транзита (1985—1994 гг.), так и на этапе «эры Кардозу» (1995—2002 гг.), когда она чрезвычайно укрепилась, и «эпохи Лулы» (с 2003 г. до настоящего момента). В данном контексте весьма важен вопрос о демократии. Консолидация демократии, ее зрелость и стабильное функционирование в период «эры Кардозу» – неоспоримый факт. В «эпоху Лулы» демократические институты ни в коей мере не были поколеблены. Даже в самые острые моменты коррупционных скандалов 2005—2006 гг., когда вся политическая система переживала очевидный кризис, «политические и юридические институты показали свою жизненную силу и функционировали при поддержке СМИ, действовавших в обстановке полной свободы». Более того, «не было ни одного момента, когда бы Лула проявил намерение прибегнуть к авторитарным или популистским мерам для обеспечения сохранности своей власти»[44]. А переизбрание Лулы на второй президентский срок позволило бразильским аналитикам сделать вывод о достигнутом в стране нормальном, «равномерном» порядке демократической смены правительств и чередования властных элит: «восьмилетие ПСДБ», а затем «восьмилетие ПТ» в качестве правящих партий, чьи лидеры возглавляют вертикаль федеральной исполнительной власти. Данный факт квалифицируется как одна из наиболее впечатляющих характеристик политической жизни Бразилии. Политическая система Бразилии доказала свою безусловную приверженность демократическим ценностям. Во всех замерах международных социологических агентств Бразилия выступает как крупная современная демократия.

Именно политика *демократического* правительства, подчеркнул Лула в уже упоминавшемся выступлении на XVII Иберо-американской встрече в верхах, позволила встать на путь решения социальных проблем, преодоления тяжелого наследия 1980-х—1990-х гг.: безработицы, бедности, неравенства. Указав на роль государства в проведении активной социальной политики (программа «Bolsa Família» охватила более 11 млн семей, рос доступ бедных слоев к образованию и здравоохранению), Лула сделал особый акцент на роль гражданского общества: «государство в одиночку не в состоянии преодолеть маргинализацию; это возможно лишь в союзе с гражданским обществом в лице его различных институтов, неправительственных организаций, профсоюзов, университетов, церкви». Необходима такая парадигма развития, которая укрепляла бы осознание того факта, что не может быть «устойчивого

мира» «без гарантии занятости, возможностей развития и уверенности в будущем для всех, особенно для наиболее бедных; только так мы найдем ответы на такие действительно глобальные угрозы, как бедность, насилие, экстремизм любых мастей»[45].

Представляется, что достигнутая стабильность (в том числе в экономической области) должна быть истолкована не как отсутствие перемен, или своего рода «стагнация», а совершенно противоположным образом: *как поступательное развитие по пути решения социальных проблем, как прогнозируемые (пусть и небольшие поначалу, но затем набирающие силу) достижения на «социальном поле» – главном «поле битвы» современных реформаторов*. При этом следует отдать должное и реализму самого Лулы, прагматизму его ближайшего окружения, которые позволили наложить на результаты реформирования 1995—2002 гг. реальные позитивные «социальные плоды» двух «четырехлетий» – 2003—2006 и 2007—2010 гг.

Конечно, по всем аспектам экономической и социальной повестки дня правительства Лулы идут споры и дискуссии. Есть весьма авторитетные точки зрения о том, что высокую оценку реформы Лулы получают лишь за рубежами Бразилии[46]. Однако нельзя отрицать целого ряда объективных показателей.

В своем послании Конгрессу в феврале 2008 г. президент заявил о позитивных макроэкономических индексах страны. Рекордным показателем стало создание в 2007 г. 1 млн 617 тыс. 392 рабочих мест; зафиксировано сокращение безработицы, зримо уменьшилось социальное неравенство (только на последнем этапе вышли из состояния нищеты 45 млн беднейших семей). Значительно вырос средний класс, на данный момент составляющий 52% населения. В 2007 г. ООН включила Бразилию в группу стран с высоким показателем индекса человеческого развития.

Широкая программа социального реформирования, предпринятая администрацией Лулы, означала реальный поворот в социальном положении наиболее обездоленных слоев общества: масштабы бедности и абсолютной нищеты были существенно сокращены. Но данные программы не были ориентированы на поддержку лишь беднейшего населения – социальная защита простиралась намного дальше и затронула и тех, кто находился выше черты бедности. Важным направлением деятельности правительства стали и программы по улучшению качества образования, в том числе высшего, и обеспечению доступа к нему для представителей слоев с низким и средним уровнем дохода. Иными словами, речь шла отнюдь не только о том, чтобы улучшить положение бедноты путем оказания ей срочной и первоочередной помощи, но и о том, чтобы изменить к лучшему социальную ситуацию «лучше поставленных» социальных слоев – квалифицированных рабочих, лиц, занятых в торговле и сфере обслуживания в городах – представителей так называемого «низшего среднего класса», находящихся в неблагоприятных социальных условиях. Все это свидетельствует о немалом реформаторском потенциале правительства Лулы и не могло не обеспечить ему широкую общественную поддержку. «Распределительный популизм Лулы», по словам известного бразильского политолога Б. Саллума, играет «несомненно, позитивную роль в современной Бразилии»[47].

По оценкам ведущих международных экспертов, налицо значительный прогресс в деле продвижения Бразилии по пути социально-экономического реформирования. Если «на рубеже» первого и второго мандатов макроэкономические и социальные показатели не достигали намеченного уровня (это касалось и уровня бедности и социального неравенства, и данных по сокращению безработицы, и масштабов использования детского труда), что повлекло за собой известное разочарование в деятельности властей, то ныне, по прошествии более половины второго президентского срока, «Бразилия Лулы», по словам бразильских СМИ, «сделала поворот на 180 градусов» и, достигнув «весьма позитивных рубежей внутреннего социального развития», значительно укрепила свое лидирующее положение на латиноамериканском континенте, превратившись в государство, «без которого не может быть решен ни один важный вопрос и не может быть принято ни одно основополагающее решение». Основой данной стратегии явилось вызывавшее столько споров и дискуссий *совмещение экономического либерализма и широких социальных программ*, совмещение, о долгосрочном характере которого теперь можно говорить со всей определенностью. Известный бразильский политолог Э. Садер, один из жестких критиков «лулистов», дал высокую оценку Луле, подчеркнув, что «70%-ная народная поддержка Лулы открывает [наряду с успехами других латиноамериканских левых] новый этап борьбы против неолиберализма на континенте»[48].

Данная ситуация обусловила небывало высокие рейтинги главы государства – и далеко не только за пределами Бразилии, но и в самой стране. По данным авторитетных бразильских социологических агентств, осенью 2008 г. Лула имел наиболее высокий рейтинг «из всех лидеров Бразилии, возглавлявших страну после восстановления

демократического правления» (после 1985 г. – *Л.О.*): в конце сентября—начале октября 2008 г. личный рейтинг Лулы составил 77,7% (по некоторым данным – 83%), а деятельность правительства одобряли 68,8% населения. Показательным – и новым, не отмечавшимся ранее – феноменом стала социальная база президента: если на этапе предвыборной кампании 2002 г. и первого мандата 2003—2006 гг. его главной опорой были почти исключительно беднейшие слои населения, то по состоянию на октябрь 2008 г., по данным агентства «Датафолья», «Лула располагал поддержкой всех социальных слоев, включая состоятельных и богатых (среди последних рейтинг Лулы равен 57%); он также был поддержан во всех экономических и географических регионах страны».

Вписывая все рассмотренные выше особенности современного этапа развития Бразилии в проблематику сопрягаемости «левой альтернативы» с социальной модернизацией, зададимся вопросом: легко ли осуществить это «совмещение» и все вытекающие из него задачи, возможно ли реализовать курс на широкие социальные реформы в одночасье при всеобщей и единогласной поддержке и одобрении? Конечно, нет. Проведение курса реформ в демократическом обществе отнюдь не равнозначно однолинейному движению, на этом пути есть место борьбе, дискуссиям, иногда сопротивлению реформам, иногда попятному движению в стане самих реформаторов – но бразильский опыт со всей очевидностью показывает, что в конечном счете социально-ориентированная траектория развития в условиях демократии выводит общество на более высокие «социальные рубежи». Можно спорить (и эти споры пронизывают собой многочисленные современные исследования по Бразилии[49]) о степени реализации социальных программ и об их глубине, об их соответствии такому критерию, как прописанные в конституции социальные права граждан. Однако главное заключается в следующем: по какому бы вектору ни развивалась Бразилия (не только в среднесрочном, но и в долгосрочном плане), социальные проблемы, проблемы справедливости и «эгалитарной свободы» всегда будут в центре политической повестки дня и правительства, и гражданского общества.

В начале статьи говорилось об окончании в 2010 г. «восьмилетия» администрации Лулы. Президентские выборы октября 2010 г. должны ответить на вопрос о том, продлится ли правление левых на следующие четыре года (в лице кандидата на пост президента от правящей Партии трудящихся) либо власть перейдет к оппозиции в лице представителя ПСДБ («исторического оппонента» ПТ). Но как бы ни развивались события, несомненно, на наш взгляд, одно: «социальное наследие» левых, проведенное ими социальное реформирование, останутся, расчистив дорогу для последующих трансформаций – точно так же, как модернизаторские усилия предыдущей администрации (Ф.Э. Кардозу), как указывалось выше, создали благоприятную почву для реформ Лулы. Таким образом, та траектория, которая задана нынешними президентом и правительством Бразилии, свидетельствует, что, в конечном счете, курс бразильских левых, результаты их правления, ориентация на глубокие социальные реформы способствуют (и на настоящий момент, и на перспективу) позитивному изменению традиционного «социального имиджа» Бразилии, а в глобальном плане символизируют неуклонное поступательное продвижение страны по пути развития, роста, модернизации, призваны существенным образом продвинуть Бразилию по этому пути. Представляется, что данная оценка может быть применима и ко всему широкому спектру латиноамериканских левых.

В силу всего вышесказанного опыт демократической эволюции «страны-континента» Бразилии весьма поучителен.

Опыт Бразилии подтвердил, что на этапе поставторитарного развития нерешенность социально-экономических проблем представляет собой серьезную угрозу демократическим завоеваниям, а углубление социального неравенства не только не приближает к «цивилизованности» и демократии, но, напротив, отдаляет от нее. Не случайно модернизация в экономике квалифицируется влиятельными направлениями социальных наук Бразилии как такая стратегия развития, которая должна проводиться во взаимосвязи с социальным реформированием; только такое взаимопереплетение «экономического» и «социального» рассматривается как единственное средство, способное укрепить демократию в Бразилии и вывести страну на новое место в трансформирующейся мировой экономике, в глобализирующемся мире в целом. По словам крупнейшего бразильского ученого и политика, бывшего президента Фернанду Энрике Кардозу, «для того чтобы быть стабильной, демократия должна быть эффективной в сокращении массовой бедности и социального неравенства»[50]. Бразилия все дальше продвигается по пути создания эффективной, стабильной экономики, консолидированной демократии, решения социальных проблем, борьбы с голодом и бедностью, развития в интересах большинства.

Остановимся на этом последнем пункте. Развитие в интересах большинства приобретает особую

важность. Ведь если на «старте» демократия несла на себе печать прошлого авторитарного правления, демонстрируя неспособность в полной мере учитывать требования и интересы широких масс, то именно давление этого большинства непосредственно воздействовало на углубление демократических процессов. Бразильский опыт свидетельствует, что не может быть подлинной демократии без учета интересов большинства общества. Именно отсюда берут свои истоки влиятельные концепции бразильских обществоведов о том, что в условиях Бразилии к политической демократии можно придти не путем простого придания экономике более рыночного характера (необходимого в деле усиления эффективности производства), а посредством формирования демократического характера государства через включение в политическую жизнь всех субъектов гражданского общества и достижение широкого общенационального согласия, – концепций, столь повлиявших на ход и исход борьбы за обновление политической жизни.

Сегодня, в эпоху глобализации и ее неоднозначного воздействия на Бразилию, как и на все латиноамериканские страны, в Бразилии присутствует понимание того, что построение современной «социальной экономики», поворот к «социальности», укрепление гражданского общества усилит позиции страны в международных отношениях, будет способствовать превращению этой региональной державы в крупного лидера многополярного мира, стремящегося согласовать национальную идентичность и собственный путь развития с глобальными законами эволюции современного мира.

Liudmila S. Okuneva. Brazilian Experience of Social Modernization at the Beginning of the XXI Century

The article deals with the process of the social modernization and transformation in Brazil at the beginning of the XXI century closely related to the activities of the leftist government (2003 – 2010). The article analyses problems of the "left turn" in Latin America and Brazil's position in this process, which means the moderate version of the change. Special attention is paid to the broad debates and discussions around the experience of the rule of the left in Brazil.

Ключевые слова

Бразилия, «левый поворот» в Латинской Америке, социальное реформирование, модернизация, социальные реформы, президент Луис Инасиу Лула да Силва

Keywords

Brazil, "Left Turn" in Latin America, social reformation, modernization, social reforms, President Luiz Inacio Lula da Silva

1. Подробнее об этом см.: *Окунева Л.С.* Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта: 1960-е гг.—2006 г. М., 2008.
2. *Merkel W.*, *Petring A.* La socialdemocracia en Europa. Un análisis de su capacidad de reforma // Nueva Sociedad. 2008. № 217. P. 110—111.
3. *Строганов А.И.* Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995. С. 21.
4. *Дабагян Э.С.* Венесуэла: кризис власти и феномен Уго Чавеса (генезис, эволюция, перспективы) // Аналитические тетради ИЛА РАН. 2000. Вып. 8. С. 6—8.
5. Есть немалые основания отнести к данной когорте стран и «несостоявшийся случай» Мексики (см.: *Давыдов В.М.* Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона // Латинская Америка. 2007. № 7. С. 5) в том смысле, что там, несмотря на победу на президентских выборах 2006 г. правоцентристского политика Ф. Кальдерона, за лидера левоцентристской Партии демократической революции (ПРД) А.М. Лопеса Обрадора проголосовала половина электората (разницу в результатах обоих кандидатов составила арифметическая погрешность в 0,5% голосов, что и породило не только резкие протесты общественности и требования пересчета голосов, но и попытки создания «параллельного правительства» и непризнания итогов голосования).
6. О «левом повороте» в Латинской Америке см.: Круглый стол «Левый поворот в Латинской Америке: причины, содержание, последствия» // Латинская Америка. 2006. № 6; *Давыдов В.М.* Левый дрейф Латинской Америки // Свободная мысль. 2006. № 11/12; *Его же.* Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона. Указ. соч; *Дабагян Э.С.* Политическая жизнь в Латинской Америке на рубеже веков // Свободная мысль. 2006. № 5; *Его же*. Методологические основы изучения феномена «левого поворота» // «Левый поворот» в Латинской Америке. М., 2007; *Майданик К.Л.* «Четвертая волна» (О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева) // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11, 12; *Его же.* Выступления на «круглых столах» в журналах «Латинская Америка» («Левый поворот в Латинской Америке: причины, содержание, последствия». 2006. № 6) и «Мировая экономика и международные отношения» («Латинская Америка: возвращение на авансцену мировой политики». 2007. № 2); *Шереметьев И.К.* «Левый поворот» в Латинской Америке глазами экономиста. По поводу «круглого стола» на данную тему // Латинская Америка. 2007. № 2.
7. *Бобровников А.В.* Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации // Латинская Америка. 2005. № 10. С. 4.
8. *Давыдов В.М.* Что такое теория зависимости? // Латинская Америка. 1985. № 9. С. 71.

9. *Давыдов В.М.* Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона. С. 26.
10. Эта концепция вызывает большой интерес во всем мире, но также порождает и немало вопросов. В ней социализм предстает как открытая система, как движение, «синтезирующее в себе все течения, выступающие против неолиберализма, против рыночного фундаментализма и социальных последствий основанной на нем политики. Такой социализм, допускающий самые широкие трактовки, основан... на приоритете общих ценностей, а не социально-классовых интересов» (см. выступление Майданика К.Л. на круглом столе «Латинская Америка: возвращение на авансцену мировой политики» / Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 90). Экономическая составляющая этой концепции говорит о сосуществовании частной, государственной, коллективной и общинной собственности, причем частная собственность должна обеспечивать равноправный доступ всех граждан к ресурсам нации; в свою очередь, коллективная собственность оправдывает свое существование, только будучи продуктивной. В сфере производства концепция также ориентирует на смешанное участие («частно-хозяйственный капитализм» под государственным и общественным контролем); альтернативные формы организации производства (соуправляемые государством, предпринимателями и самими работниками) имеют право на существование только в том случае, если они равны капиталистическим предприятиям по своей эффективности; последние же обязаны нести «социальную ответственность» за ситуацию в стране и за состояние окружающей среды (см.: *В.М. Давыдов.* Указ. соч., С. 22—23). Действует принцип: «укрепление государства, с одной стороны, и существенное расширение числа мелких собственников в городе и деревне, – с другой». В основе экономического наполнения концепции лежит формула, выдвинутая У. Чавесом еще в 1999 г.: «Столько государства, сколько необходимо, и столько рынка, сколько возможно» (цитируется по статье Э.С. Дабагяна, в заголовок которой вынесена данная формула // См.: Латинская Америка. 2005. № 11. С. 26). Кстати сказать, данная формула Чавеса отнюдь не нова: еще в 1999 г. тот же тезис сформулировал теоретик «третьего пути» Э. Гидденс: «Либерализация – там, где это возможно, регулирование – там, где это необходимо» (см.: ABC, Madrid, 28.10.2007. P. 10).
11. Подобные «симптомы разворота к "государственному интервенционизму"» заставляют задуматься о возможности возрождения в современных условиях Латинской Америки альтернативной неолиберализму «модели госкапитализма, с ее многочисленными ограничениями в отношении иностранного капитала и патерналистской политикой в отношении капитала национального», – модели, которая в 60-е гг. прошлого века «неплохо "привилась" на латиноамериканской почве, способствовала решению ряда задач "догоняющего развития", в том числе в социальной сфере. Исторически, по своему генезису, госкапитализм был связан с борьбой латиноамериканских стран за экономическую самостоятельность, за суверенитет над природными ресурсами..., за ускоренное... развитие национального частного капитала в перспективных отраслях хозяйства». При этом характерно, что вмешательство государства в экономику усиливалось как в обстановке революционного подъема начала 1970-х гг., так и в условиях «буржуазно-реформистского движения» «Союза ради прогресса». Реформистская альтернатива в 1960-е гг. оказалась весьма плодотворной для многих стран. «Не напоминает ли сегодняшняя ситуация в Латинской Америке (с всплесками национализма) ту, которая уже имела место в указанные десятилетия? Почему же в таком случае не допустить возможности "повторения пройденного" – использования хотя бы отдельных элементов госкапиталистической модели развития?» (*Шереметьев И.К.* Указ. соч. С. 8). Ведь по существу «речь идет о национально ориентированном развитии, на службу которому должны быть поставлены ресурсы государства» [своего рода «левый неодесаррольизм»] (*Давыдов В.М.* Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона. С. 21). Особенно четко подобного рода «неодесаррольизм» воплощен в модели, реализуемой в Аргентине, где наблюдается «отрицание крайностей рыночного фундаментализма» и «энергичное госрегулирование производственной и экспортной деятельности с использованием механизмов стимулирования..., ...подчинение финансовых потоков правительственному контролю, возвращение к государственному участию... в тех сферах экономики, где приватизация периода неолиберальных экспериментов оказалась экономически и социально контрпродуктивной» (там же).
12. *Никифоров О.* Уго против Лулы // Независимая газета. 09.10.2007.
13. *Кауфман Р.* Латинская Америка: новые вызовы // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 74.
14. См., например: *Lozano W.* La izquierda latinoamericana en el poder // Nueva Sociedad. Caracas, 2005. № 197. P. 134—135; см. также: *Dirmoser D.* Democracia sin demócratas // Ibid. P. 29, 40; *Petkoff T.* Las dos izquierdas // Ibid. P. 119; *Vilas C.* La izquierda latinoamericana y el surgimiento de regímenes nacional-populares // Ibid. P. 85, 98; *Boersner D.* Gobiernos de izquierda en América Latina: tendencias y experiencias // Ibid. P. 100—101, 113; *Ramirez Gallegos F.* Beaucoup plus que deux gauches // Mouvements, Paris, septembre—décembre 2006. № 47—48. P. 14—24; *Cárdenas E. J.* Les tribulations de l'Amérique latine. Le chemin de la modération // Géopolitique, Paris, 2006. № 96. P. 59—72; *Кальюни Э.О.* Экономическая стабильность и кризис неолиберализма в Латинской Америке // Латинская Америка. 2007. № 5. С. 18—28. На сходных позициях стоят и многие исследователи, работающие за пределами само́й Латинской Америки, например, во Франции, где проблематика «левого поворота» заняла в последнее время приоритетное место в обширной научной продукции по латиноамериканской тематике. См., например: Amérique latine: les racines du tournant à gauche // Mouvements, Paris, septembre-décembre 2006. № 47—48. P. 7—12 (Dossier «Amérique latine, le tournant à gauche»); *Dabène O.* L'Amérique latine à l'époque contemporaine. Paris, 2006. P. 253—255; *Goirand C.* Les gauches en Amérique latine: avant-propos // Revue Internationale de Politique Comparée, Genève, 2005. Vol. 12. № 3. P. 267—281 (Dossier «Les gauches en Amérique latine: un état des lieux»); *Basset Y.* Le «virage à gauche» de l'Amérique latine // Géopolitique, Paris, 2006. № 96. P. 11—20;

Frégosi R. La gauche, l'Internationale socialiste et la «troisième voie» en Amérique latine // Cahiers des Amériques latines, Paris, 2004/02. № 46. P. 85—99.

15. *Варгас Льоса А.* Популизм возвращается? // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. С. 113—115.
16. От испанского desarrollo – развитие. Идеологическое течение 1950—60-х гг., группировавшееся вокруг Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА или, согласно испанской аббревиатуре, СЕПАЛ) и ратовавшее за всемерное развитие и модернизацию латиноамериканских стран с целью преодоления отсталости и слаборазвитости, приближения к моделям развития развитых государств.
17. На этом факте зиждилась концепция о том, что ПТ и ПСДБ представляют собой две разновидности социал-демократии, «рожденные на волне отвержения военного режима и отказа от традиционных методов господства»; главная задача нынешних «левых у власти» – не столько реализовать свой социальный проект, сколько суметь доказать способность к управлению страной (см.: *Enders A.* La gauche brésilienne et le pouvoir: de Getúlio Vargas au gouvernement Lula // Problèmes d'Amérique latine. Paris, 2004/05. № 55. P. 113). Вместе с тем на левом политическом фланге Бразилии весьма распространены и мнения (появившиеся во время выборов 2002 и 2006 гг.), квалифицирующие ПСДБ как «утратившую роль левой социал-демократической партии» и относящие ее к партиям «правого толка». Подобные взгляды основаны как на факте длительного политического альянса ПСДБ с правой ПФЛ (выборы 1994, 1998 и 2006 гг.) и правоцентристской ПМДБ (выборы 2002 г.) и на неолиберальной составляющей ее экономической политики в годы президентства Кардозу, так и на том, что в глазах левого электората (начиная с момента выборов 2002 г., далее на всем протяжении первого мандата Лулы и затем на выборах 2006 г.) она выступала как, несомненно, «более правая по сравнению с ПТ». [Среди множества работ на эту тему см., например: *Cavalcanti L. O.* O que é o governo Lula. São Paulo, 2003. P. 18].
18. См.: Круглый стол «Латинская Америка: возвращение на авансцену мировой политики» // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 90—92, 94.
19. Там же. С. 92.
20. С данной позицией автора полностью солидаризировался российский латиноамериканист И.К. Шереметьев. Размышляя об исторической дилемме левых, он указывает, что она ярко высвечивает экономическую составляющую любых социальных реформ, в том числе «левоориентированных»: ведь для реализации программ социальной поддержки нуждающимся, развития социальной инфраструктуры необходимы немалые финансовые ресурсы, «и здесь возникает соблазн простейшего решения таких проблем: либо прибегнуть к внешним заимствованиям (что может привести к нарушению хрупкой макроэкономической стабильности), либо, что еще хуже, к использованию печатного станка, а это, как известно, ведет к раскручиванию нового витка инфляции... Таким образом, чрезмерный крен умеренных левоцентристских режимов (в частности, бразильского) влево рискован и потому маловероятен. Но и поправение таких режимов, дрейф в сторону соблюдения интересов... местного бизнес-сообщества и его истэблишмента также ничего хорошего им не сулит. В этом случае левые режимы перестают быть таковыми, рискуют потерять поддержку низовых слоев общества, стать жертвой своего поправения. Поле для маневрирования («балансирования» между двумя вышеобозначенными императивами) у левых режимов ограничено, и в этом состоит "драма" их нынешнего положения» (см.: *Шереметьев И.К.* Указ. соч. С. 7).
21. Именно такой ответ – принципиальная несовместимость обещаний, данных, с одной стороны, народу, а с другой – «правым, империализму, МВФ», – последовал и со стороны левых критиков Лулы, в том числе весьма видных представителей левого спектра политической мысли Бразилии, США, европейских стран.
22. *Lula da Silva L.I.* Brasil hoje: mais desenvolvimento e menos desigualdade // Cahiers des Amériques latines, Paris, 2005/1—2. № 48—49. P. 16.
23. *Carpentier S.* Lula veut insuffler de la croissance au Brésil // La Croix. 06.04.2007.
24. Le nouveau Brésil de Lula: dynamique des paradoxes / Eeuwen D. van (dir.). Paris, 2006; Le Monde. 31.10.2006; см. также: *Petit P., Valenzuela P. Lula*, ¿Dónde vas? Brasil entre la gestión de la crisis y la prometida transformación social. Barcelona, 2004; *Sallum Jr.B.* La especificidad del gobierno de Lula // Nueva Sociedad, 2008. № 217. P. 167, 171.
25. *Folha de S*. Paulo. 09.11.2007.
26. В Бразилии в кругах студенчества, интеллектуальной элиты, университетской профессуры идет постоянная, незатухающая и, похоже, даже нарастающая дискуссия по вопросу «что означает быть левым».
27. Repensons, rassemblons, renouvelons la gauche! // Le Monde. Paris, 05.07.2007; *Weber H.* Le nouvel âge du Parti socialiste // Le Monde. 06.07.2007.
28. *Lula da Silva L.I.* Les bases de l'égalité // Mouvements. Paris, septembre—décembre 2006. № 47—48. P. 48.
29. *Fregosi R.* De «nouveaux» leaders politiques // Histoire et Liberté. Les cahiers d'histoire sociale. Paris, hiver 2007. № 29. P. 46.
30. *Folha de S.* Paulo. 28.01.2008.
31. *Folha de S.* Paulo. 13.08.2006.
32. *Estado de S.* Paulo. 12.12.2006.
33. Цит. по: *Дабагян Э.С.* «Государства – сколько необходимо, рынка – сколько возможно». Мировоззрение боливарийцев // Латинская Америка. 2005. № 11. С. 25.

34. *Jaguaribe H.* O PSDB ante a presente situação do Brasil. Mimeo. Rio de Janeiro, Instituto de estudos políticos e sociais. 1990. P. 4.
35. *Nogueira M.A.* Nove meses depois&Circunstâncias, heranças e hegemonia // Jornal da Tarde. São Paulo. 04.10.2003; см. также: *Santos R.* O governo de "união nacional" e os partidos // [Электронный ресурс]. URL: http://www.arnet.com.br/gramsci/arquiv240.htm; *Singer A.* Raízes sociais e ideológicos do lulismo // Novos Estudos CEBRAP. 2009. № 85. P. 96.
36. *Vidal D.* Lula Président. Les élections générales des 6 et 27 octobre 2002 au Brésil // Problèmes d'Amérique Latine. 2002. № 46/47. P. 144—145.
37. *Nakatani P., Marquéz R.M.* Lula: un gouvernement de gauche? // La Pensée, Paris, 2008. № 355. P. 57—67.
38. *Vidal D.* La réélection de Lula en son contexte // Problèmes d'Amérique latine, Paris, hiver 2006—2007. № 63 P. 8—9.
39. *Ovalalou L.* La politique économique de Lula fait le bonheur des riches // Le Figaro Economie, Paris, 24.07.2007. P. 18; Idem. Le marché de la sécurité privée explose au Brésil // Le Figaro. 02.08.2007.
40. Ibidem.
41. Folha de S. Paulo. 23.07.2007.
42. *Ovalalou L.* La politique économique de Lula... P. 18.
43. *Arcy F.* d' Le premier mandat de Lula: un bilan contrasté // Amérique latine. Les surprises de la démocratie / Couffignal J. (dir.). Paris, 2007. P. 41—42.
44. Ibid. P. 38.
45. Folha de S. Paulo / 09.11.2007.
46. И действительно, за пределами Бразилии популярность Лулы поистине огромна. В конце 2009 г. французская газета «Монд» и испанская «Паис» назвали его «человеком года», а британская «Файнэншл Таймс» – «человеком десятилетия». Столь высокие оценки совершенно необычны для отношения европейцев к президенту латиноамериканской страны, и тем не менее факт остается фактом: рейтинги Лулы в Европе бьют все рекорды. Европейские медиа делают особый упор на личность Лулы, который, «пройдя путь от рабочего-синдикалиста до президента такой сложной страны, как Бразилия, ведет успешную политику в борьбе против социального неравенства, за защиту окружающей среды и ускорение экономического роста». [Электронный ресурс]. URL: (http://www.bbc.co.uk/mundo/america_latina/2009/12/091230_lula_europa_mr.shtml 31.12.2009; http://www.bbc.co.uk/mundo/america_latina/2009/12/091224_1900_lula_personalidad_wbm.shtml 24.12.2009).
47. *Sallum Jr.B.* Op. cit. P. 165—167, 171; см.также: *Singer A.* Op. cit. P. 94.
48. Correio Braziliense. Brasília. 01.09.2008.
49. См., например: *Lautier B.* Op. cit. P. 75; Domingues J.M. Le premier gouvernement Lula. Un bilan critique // Problèmes d'Amérique latine. Paris, hiver 2006—2007. № 63. P. 36.
50. *Кардозу Ф.Э.* Интервью журналу «Свободная мысль» // Свободная мысль. 2010. № 1. С. 37.